

СЛОВ'ЯНСЬКІ МОВИ В МІЖКУЛЬТУРНІЙ КОМУНІКАЦІЇ. ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ

Л. П. Иванова
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ВАРИАНТ ЯЗЫКА И СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ С НИМ ЯВЛЕНИЯ

Вопрос о возможности украинского варианта русского языка стал время от времени обсуждаться на научных конференциях, что побуждает к постановке проблемы о вариантности языка и ее критериях. В современной науке имеются указания на бесспорный факт наличия вариантов английского языка (американского, австралийского, канадского) и в качестве подтверждения приводятся отдельные фонетические и лексические различия. Наша статья посвящена анализу соотносительных с вариантом явлений, а также выявлению главных критериев варианта языка. Мы пришли к выводу, что в индивидуальном сознании носителей национальных языков часто происходят процессы интерференции, но в литературной нормированной речи они практически нивелируются.

Ключевые слова: вариант языка, интерференция, диалект, койне, пиджин, креолизация, суржик.

К размышлениям над вопросом (или уже проблемой?) о возможности украинского варианта русского языка автора статьи побудил ряд фактов.

Время от времени на научных конференциях стал обсуждаться вопрос о вариантности русского языка и ее критериях. Так, об украинском варианте русского языка высказывался проф. А. Н. Рудяков (ему решительно возражала Л. А. Вербицкая), о белорусском варианте – проф. Б. Ю. Норман. Развернутой аргументации услышать не удалось, приводились отдельные факты, а главное – аналогия: американский, австралийский, канадский варианты английского языка.

В связи с этим Е. А. Хелемский пишет: “Большую роль в развитии литературного языка сыграли прямые и косвенные языковые контакты английского языка, связанные с распространением английского языка за пределы Англии. Последнее привело к формированию вариантов

английського языка в США, Канаде и Австралии, отличающихся от литературного английского языка главным образом в произношении и лексике. Отличительными признаками американского варианта являются, например, ретрофлексный [r] в словах типа *car, barn, first*, краткий [a] в *lock, stop, knob, lot*, специфический мелодический рисунок фразы. Наблюдаются расхождения в лексическом значении отдельных слов (напр., *truck* – 'грузовик' в США и 'открытая товарная платформа' в Англии), употребление американизмов вместо синонимических единиц в британском варианте (например, *elevator* 'лифт' вместо *lift, sidewalk* вместо *pavement* 'тротуар' и др.).

Сходные типы специфических признаков обнаруживает и австралийский вариант, различительные элементы которого менее многочисленны. На английский язык в Канаде заметное влияние оказывают как американский, так и британский варианты английского языка" [2, с. 33].

Таким образом, вариантность касается фонетики (произношение отдельных звуков и интонация) и лексики. Варианты формируются на базе литературных языков. Причина формирования указанных вариантов английского языка – контакты с другими языками за пределами Англии. От себя подчеркнем, что все указанные страны находятся на большом расстоянии от ареала материнского языка, а 200 лет назад вообще можно говорить об оторванности от родных языковых корней и культуры, что и позволило сформировать специфические этносы.

Еще один важный фактор – ментальный. К сожалению, нам не удалось найти исчерпывающего этнопсихолингвистического описания австралийцев и канадцев, поэтому в своих предположениях опираемся на косвенные данные. Среди них утвердившееся со времен В. фон Гумбольдта положение о том, что в языке отражается мировидение народа – его носителя. Исторически сложилось так, что формирование этноса в Великобритании резко отличается от аналогичных процессов в Австралии и Канаде. Думается, что указанный факт наложил отпечаток на соответствующие национальные характеры, а через них – на языки.

Ф. С. Бацевич и Г. Ю. Богданович определяют варианты национального языка следующим образом: "разновидности одного национального (этнического) языка, которые используются участниками межкультурной коммуникации в разных общественных, территориальных границах; параллельно существующие формы языка" [1, с. 35]. Следовательно, главный критерий – межкультурная коммуникация и параллельно существующие формы. Значит, американский, австралийский и канадский варианты английского языка в данную характеристику не укладываются.

Авторы других не менее авторитетных лингвистических словарей сводят вариантность к отдельным языковым единицам. Так. Т. В. Матвеева отмечает: "Вариант – разные проявления одной и той же языковой единицы,

обусловленные разнообразием позиции в речевом ряду, стилистического задания, цели и говорящего. Вариант имеет частичные различия, что не разрушает целостного характера варьирующей языковой единицы” [3, с. 50].

Аналогичное мнение высказывает Е. А. Селиванова [4, с. 57] и авторский коллектив Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко [5, с. 23].

Попытаемся реконструировать ход формирования варианта. На начальных этапах – это языковые контакты.

Вяч. Вс. Иванов характеризует их следующим образом: “Контакты языковые (от лат. *contactus* – прикосновение) – взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них.

<...> возможно либо активное владение двумя языками (двуязычие в строгом смысле слова, когда каждый из говорящих может говорить на том и другом языке), либо пассивное понимание чужого языка. По новейшим данным нейролингвистики, К. Я. осуществляются внутри каждого из двуязычных говорящих таким образом, что одно полушарие коры головного мозга владеет одним языком (обычно левое, или доминантное, владеет главным языком общения в данном ареале, напр. американским вариантом английского языка в США), тогда как другое полушарие (чаще всего правое) понимает или знает в ограниченной степени второй язык (напр., один из американских индейских в США); по каналам межполушарной связи формы одного из языков, находящихся в К. Я., передаются в другое полушарие, где они могут включаться в текст, произносимый на другом языке, или оказывать косвенное влияние на строение этого текста.

К наиболее распространенным результатам К. Я. относится возможность изменения системы фонем одного (или обоих) контактирующих языков” [2, с. 237].

Результаты языковых контактов: 1) креолизация – упрощение языка до уровня детской речи; 2) победа одного языка (английский в США и Канаде), репрезентирующего основную систему; 3) видоизменение основного языка общения под влиянием языка более престижного, но не становящегося основным – диглоссия (разные изводы церковнославянского языка у южных и восточных славян).

Все указанные явления начинаются в индивидуальном сознании, на что указывает нейролингвистика.

Аналогично характеризуются языковые контакты в словаре Ф. С. Бацевича и Г. Ю. Богданович [1, с. 117]. Н. П. Тропина к указанному добавляет перечень контактных языков (пиджины, креольские языки, лингва франка) [6, с. 43].

Перечисленные языковые явления, к характеристике которых обратимся ниже, противопоставлены стабильному диалекту.

Л. Л. Касаткин дает следующую характеристику: “Диалект (от греч. *dialektos* – разговор, говор, наречие) – разновидность данного языка,

употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают территориальные и социальные Д.” [2, с. 132].

Территориальный диалект всегда представляет собой часть целого данного языка или одного из его диалектов. Поэтому диалект всегда противопоставлен другим диалектам, объединяясь с ними целым рядом общих языковых черт. Территориальные диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике. Эти различия могут быть небольшими, так что говорящие на разных диалектах данного языка понимают друг друга (например, диалекты славянских и тюркских языков). Диалекты других языков так сильно отличаются друг от друга, что общение между говорящими на разных диалектах затруднено или невозможно (напр., диалекты немецкого, китайского, хинди языков) [2, с. 132–133].

Отнесение диалекта, находящегося на границе двух близкородственных языков к тому или другому языку, а также определение ареальной единицы как диалекта данного языка или как самостоятельного языка в ряде случаев представляет значительные трудности. “В качестве критериев того, что данные ареальные единицы являются диалектами одного языка, часто выдвигаются наличие взаимопонимания между их носителями, наличие единого литературного языка, единства в направлении структурного развития, хотя каждый из этих факторов не является обязательным. Решающий фактор – этнический: при отнесении диалекта к определенному языку учитывается единое самосознание и самоназвание носителей локальных языковых единиц” [2, с. 133].

Таким образом, диалект – разновидность общенародного языка, соотношенная с литературным языком. Главный критерий – самосознание и самоназвание. Л. П. Столярова и др. противопоставляют диалект литературному языку [5, с. 36]. Т. В. Матвеева обращает внимание на дальнейшую судьбу диалектов, в частности русских: “В XX–XXI вв. диалекты разрушаются под влиянием всеобщей урбанизации и повсеместного распространения литературного языка, и все же их значимость огромна: сливаясь с просторечием <...>, они остаются источником живого образного слова, непосредственно связывающего современность с русской древностью, показывают особенности народного миропонимания и русского национального характера” [3, с. 87].

Следовательно, диалект может быть основой литературного языка, утрачиваясь, его обогащает. В диалекте проявляется и закрепляется менталитет народа – его носителя. Именно данными признаками территориальный диалект отличается от указанных выше явлений, возникших в результате контактов языков. В ходе последних, как правило, возникает такой процесс, как интерференция.

Наиболее полное из всех рассматриваемых источников определение интерференции дает В. А. Виноградов: “Интерференция (от лат. *inter* –

между собой, взаимно и *ferio* – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия <...>, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

И. проявляется как иноязычный акцент в речи человека, владеющего двумя языками; он может быть стабильным (как характеристика речи коллектива) и преходящим (как особенность чьего-либо идиолекта). И. способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике (акцент в узком смысле слова). Главный источник И. – расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация, соотношение дифференциальных и интегральных признаков <...>, различный состав грамматических категорий и/или различные способы их выражения и т. п.

Термин “И.” используется также для обозначения ее результата” [2, с. 197].

Аналогично характеризуют интерференцию Ф. С. Бацевич, Г. Ю. Богданович [1, с. 90], Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко [5, с. 47], Н. П. Тропина [6, с. 36–37].

В аспекте формирования варианта языка в данном определении важно следующее: 1) интерференция возникает в индивидуальной речи; 2) проявляется сначала в виде акцента, захватывает фонетику, а затем все остальные ярусы языковой структуры; 3) закрепляется в речи коллектива.

Подчеркнем, что все рассмотренные определения интерференции делают акцент на ее аномальности, т. е. отклонении от нормы.

Таким образом, интерференция – важнейший этап в процессе формирования смешанных языков, среди них наиболее изученными являются креольские языки, пиджины, койне.

Начнем с койне как самой древней формы смешения языков.

В. А. Виноградов пишет: “Койне (от греч. *koine dialektos* – общий язык) – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков.

Первоначально термин “К.” применялся в лингвистике лишь к общегреческому языку, сложившемуся в эллинистический период (IV–III вв. до н.э.)” [2, с. 230]. От себя напомним про киевское койне XI–XIV вв.

Однако толкование койне расширилось: “В современной социолингвистике койне понимается <...> как любое средство общения (главным образом устного), обеспечивающее постоянную коммуникативную связанность некоторого региона; различаются городские К. и К. ареала (страны). В роли К. может выступать наддиалектная форма определенного

языка, развившаяся на базе одного или нескольких диалектов, а также один из языков, представленных в данном ареале <...>

К. служит важной предпосылкой формирования литературного языка (особенно городское К.)” [2, с. 230].

Закономерно соотнесение койне с пиджином: “Иногда койне рассматривается в одном ряду с пиджинами, однако процесс формирования К. существенно отличен от пиджинизации, предполагающей ощутимую структурную модификацию языка-источника, тогда как К. развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося К.; пиджин формируется в условиях контактирования и взаимовлияния разных языков, тогда как К. чаще всего (хотя и не всегда) складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков, в отдельных случаях пиджин может приобрести функции К., развиваясь затем в сторону креольского языка” [2, с. 230].

В качестве примера письменного койне автор приводит латынь как научно-письменную форму в средневековой Европе.

Аналогичную характеристику койне дает Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко [5, с. 53] и Н. П. Тропина [6, с. 37–38].

Таким образом, для койне характерны следующие признаки:

- 1) устная форма (хотя возможна и письменная латынь);
- 2) сохранение и обогащение языка или диалекта, становящегося койне;
- 3) формируется на базе одного языка или близкородственных языков;
- 4) в отличие от пиджина не претерпевает модификации.

Койне призван обеспечивать коммуникативную связанность региона, он является предпосылкой формирования литературного языка. Подчеркнем, что вариант языка литературной формой обладает.

Еще одной категорией, соотносимой с пиджином, являются креольские языки.

М. В. Дьячков пишет: “Креольские языки – языки, сформировавшиеся на основе пиджинов и ставшие родными (первыми) для определенного коллектива их носителей” [2, с. 245].

Н. П. Тропина продолжает сопоставление: “В отличие от пиджина имеет более широкий набор коммуникативных функций: обслуживает общение не только в деловой сфере, но используется и как язык семейного общения, усваивается детьми естественным путем и становится родным уже для второго поколения людей, пользующихся пиджином” [6, с. 44].

Ф. С. Бацевич и Г. Ю. Богданович отмечают, что пиджин – искаженная форма англ. *business* – дело, это упрощенный язык-посредник в полиэтничестве [1, с. 183].

По утверждению Н. П. Тропиной, креольский язык, как и пиджин, является максимально простым: “<...> для креольского языка характерно отсутствие словоизменения; фиксированный порядок слов, служебные слова и паузы служат основным средством передачи грамматических значений.

Вместе с тем, при креолизации происходит структурное усложнение пиджина – появляются постпозитивные частицы – грамматические показатели вида, времени и модальности глагола, редупликация как показатель множественности, стандартизируется синтаксис. Фонетическая система К. Я. формируется на основе языка-источника, иногда с добавлением 2–3 фонем. Лексика характеризуется отсутствием синонимии и полисемии” [6, с. 44–45].

Аналогично характеризует креольские языки М. В. Дьячков [2, с. 245].

Вырисовываются следующие основные признаки креольских языков:

- 1) используются при ситуативно ограниченных контактах народов и языков;
- 2) имеют упрощенную грамматику и словарь;
- 3) отсутствует письменная форма или она только формируется (младописьменность);
- 4) может быть переходным этапом от пиджина к этническому языку.

В языкознании Украины и Белорусии рассматривается еще один вид смешения языков – суржик и трасянка.

Н. П. Тропина о суржике пишет: “Суржик (переносное от “смесь зерна разных злаков: ржи и пшеницы, ржи и ячменя и т. д., мука и хлеб из такой смеси”). 1. Неофициальное название ненормативной речи, особенностью которой является смешение элементов украинского и русского языков. Характерным лингвистическим признаком суржика являются вкрапления лексических элементов русского языка в речь, в целом сохраняющую фонетический и грамматический строй украинского либо элементов украинского языка в русскую речь. Носителями суржика являются люди с низкой общеязыковой культурой, в достаточной мере не владеющие ни стандартным украинским, ни стандартным русским языком” [6, с. 116]. Причиной возникновения суржика является длительное контактное двуязычие диглосного типа [6, с. 116].

Таким образом, главные признаки суржика:

- 1) использование в ненормативной речи недостаточно грамотных людей;
- 2) как правило, суржик проявляется во вкраплениях лексических элементов;
- 3) касается взаимодействия систем русского и украинского языков (хотя Н. П. Тропина приводит и расширенное понимание суржика как всякой смеси языков: французский и английский в Квебеке (Канада) – “жуаль”, смесь испанского и английского, на котором говорят в США некоторые выходцы из Латинской Америки, – “спанглиш” [6, с. 118]).

По нашим наблюдениям, суржик проявляется не только в лексике, но и в фонетике (отсутствие аканья, фрикативные согласные и др.), морфологии (звательная (“клична”) форма в украинском языке и утраченный в русском языке звательный падеж), синтаксисе (в Украину / на Украину) и др.).

Суржик во многом совпадает с трасянкой – явлением русско-белорусской интерференции. Н. П. Тропина указывает: “Трасянка (белорусское, перен. от “смесь свежей травы и сена, сена и соломы”) – неофициальное название ненормативной речи белорусов, особенностью которой является смешение элементов белорусского и русского языков” [6, с. 119].

Приведенные характеристики вызывают много вопросов. Прежде всего, их наложение: и койне, и креольские языки, и пиджины, и суржик с трасянкой функционируют только в устной форме на определенной территории. Трудно выделить признаки, присущие только одной из указанных форм контактирующих языков и не повторяющиеся в других. Предшествуют ли они возникновению варианта языка? Соотносятся как-то с ним?

Рассмотрев различные формы контактов языков и результаты этих контактов, приходим к выводу об отсутствии четких однозначных критериев их разграничения, а потому и отсутствие критериев определения варианта языка, в частности русского на постсоветском пространстве.

Вне всякого сомнения, в индивидуальном сознании носителей национальных языков часто происходят процессы интерференции, но в речи носителей норм литературного языка они практически нивелируются. Истинные билингвы безукоризненно говорят на обоих языках.

Уровень владения русским языком обусловлен рядом факторов. Основные среди них: 1) обучение на должном уровне в школе; 2) общение в семье; 3) использование русского языка в СМИ; 4) наличие образцов хорошей русской речи (радио, телевидение, театр).

По нашему глубокому убеждению, вариант языка должен иметь литературную форму – обладать четкими закономерными нормами, использоваться во всех сферах общения, т. е. обладать развитой системой функциональных стилей, на нем должны создаваться художественные тексты, представляющие ценность.

В советский период (и в этом одна из главных заслуг языкознания) были созданы 75 письменностей для бесписьменных народов и 50 языков выработали литературную форму, т. е. в сознании носителей национальных языков сформировались четкие литературные нормы. Русский язык выполнял функцию прежде всего языка межнационального общения, поэтому преподавался в учебных заведениях на хорошем уровне.

На постсоветском пространстве роль русского языка ослабла, он либо перестал преподаваться, либо преподается в значительно сокращенном объеме. В силу политических причин утрачиваются образцы русской речи. Все эти факторы заметно снижают культуру русской речи, интерференционные процессы становятся ярче и очевиднее. Тем не менее, о вариантности пока говорить рано. В США, Австралии, Канаде, где безоговорочно признаются варианты английского языка, последние

используются во всех сферах, они стали нормой, приобрели статус литературного языка. На этих языках создается художественная литература мирового уровня (М. Твен, Э. Хемингуей и мн. др.). В силу географических обстоятельств контакты языков метрополии и новых стран были слабыми, что также способствовало формированию варианта языка.

Подытоживая, отметим, что политические условия в некоторых странах на постсоветском пространстве создают почву для формирования вариантов русского языка, но этот процесс, даже если он будет в дальнейшем интенсивно развиваться, находится в зачаточном состоянии.

Л и т е р а т у р а :

1. *Бацевич Ф. С.* Українсько-російський словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич, Г. Ю. Богданович. – Саки : Фенікс, 2011. – 284 с.
2. *Дьячков М. В.* Креольские языки / М. В. Дьячков. – М. : Наука, 1987. – 450 с.
3. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Тамара Вячеславовна Матвеева. – М. : Феникс, 2010. – 550 с.
4. *Селиванова Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Елена Александровна Селиванова. – К. : Фитоцентр, 2002. – 550 с.
5. *Столярова Л. П.* Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К., 2003. – 192 с.
6. *Тропина Н. П.* Учебный социолингвистический словарь-справочник / Нина Павловна Тропина. – Херсон : Д. С. Гринь, 2013. – 450 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Batsevych F. S.* Ukrainско-rosiiskyi slovnyk terminiv mizhkulturnoi komunikatsii [Ukrainian-Russian Vocabulary of terms of the International Cultural Association] / F. S. Batsevych, H. Yu. Bohdanovych. – Saky : Feniks, 2011. – 284 p.
2. *Dyachkov M. V.* Kreolskie yazyki [Creole languages] / M. V. Dyachkov. – M. : Nauka, 1987. – 450 s.
3. *Matveeva T. V.* Polnyy slovar lingvisticheskikh terminov [A complete dictionary of linguistic terms] / Tamara Vyacheslavovna Matveeva. – M. : Feniks, 2010. – 550 p.
4. *Selivanova E. A.* Osnovy lingvisticheskoy teorii teksta i kommunikatsii [Basics of the linguistic theory of text and communication] / Elena Aleksandrovna Selivanova. – K. : Fitocenter, 2002. – 550 p.
5. *Stolyarova L. P.* Bazovyy slovar lingvisticheskikh terminov [Basic Dictionary of Linguistic Terms] / L. P. Stolyarova, T. S. Pristayko, L. P. Popko. – K., 2003. – 192 p.
6. *Tropina N. P.* Uchebnyy sotsiolingvisticheskiy slovar-spravochnik [Educational sociolinguistic reference dictionary] / Nina Pavlovna Tropina. – Kherson : D.S. Grin, 2013. – 450 p.

Іванова Л. П. Про можливість українського варіанту російської мови.

Питання про можливість формування українського варіанту російської мови стало час від часу обговорюватися на наукових конференціях, що спонукає до постановки

проблеми про варіантність мови та її критерії. У сучасній науці зазначається безперечний факт наявності варіантів англійської мови (американського, австралійського, канадського) й окремі фонетичні та лексичні відмінності як підтвердження цього. Наша стаття присвячена аналізу співвідносних із варіантом явищ, а також виявлення головних критеріїв варіанту мови. Ми дійшли висновку, що в індивідуальній свідомості носіїв національних мов часто відбуваються процеси інтерференції, але в літературній нормованій мові вони практично нівелюються.

Ключові слова: варіант мови, інтерференція, діалект, койне, піджин, креолізація, суржик.

Ivanova L. P. About the possibility of the Ukrainian variant of the Russian Language.

The question (not yet a problem) about the possibility of forming the Ukrainian version of the Russian language has been discussed from time to time at scientific conferences, this leads to the formulation of the problem: what can be considered a version of the language? What are the criteria? It turned out that unequivocally formulated authoritative sources do not lead. In modern science, there is an indisputable fact of the availability of variants English (American, Australian, Canadian) and certain phonetic and lexical differences to confirm this. Our article is devoted to the analysis of correlative phenomena with a variant, as well as the identification of the main criteria for a variant of a language. The contacts of the languages give rise to the interference, koine, pidgin, Creole, surzhik and trasianka that we have examined. We came to the conclusion that in the individual consciousness of speakers of national languages there often occur processes of interference, but in literary normalized speech they are practically leveled. The language variant should have a literary form, have a developed system of functional styles, and artistic works of world value should be created on it. Under the conditions of complete separation from the main territory of the Russian language, the appearance of its version is possible in principle, but at the present time, even if political conditions are created for it, the process is in the most embryonic state.

Keywords: language variant, interference, dialect, koine, pidgin, creolization, surzhik.

Н. М. Кувшинова

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

ОМОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В русском языке XVII–XVIII вв. значительную часть иноязычных слов составляли немецкие лексические заимствования. Немецкие заимствования вступают в различные семантические отношения в составе лексической системы русского языка. Омнимичные слова могут проникать из языка-источника в язык-реципиент параллельно или последовательно, не имея между собой никакого сходства в семантике. Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: лексические заимствования, омнимические отношения, язык-источник, язык-реципиент.

Проблема обогащения русского языка лексическими заимствованиями вследствие его взаимодействия с другими языками (в нашем случае –